
ВЕК ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

АНОМИЯ ПОСТТРАНСФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСОВ НАЧАЛА XXI в.: СИМПТОМЫ И СИСТЕМНЫЕ СДВИГИ

В ходе системной трансформации постсоциалистических стран на рубеже XXI в. активно менялись отношения собственности, внедрялись институты демократии, шла адаптация – в том или ином темпе – их правовых систем к законодательству Европейского союза. Кризисы первых декад XXI в. потребовали интенсификации преобразований и во многих случаях выявили несоответствие формирующихся институтов потребностям нормального функционирования демократии. Конвертация власти прежних «командно-административных» элит в собственность в стратегических сегментах хозяйства привела к формированию нового подтипа автократии – вокруг политического (популистского) лидера начала выстраиваться новая пирамида исполнительной власти. Решающую роль в ее консолидации стала играть «приемная политическая семья», не занимающая никакой легитимной позиции на политическом поле. Под ее требования переформируются институты власти, возникают принудительно-коррупционные механизмы, держащие под контролем экономическую сферу. Коррупция становится системной основой функционирования общества, основой вертикальных патрон-клиентских отношений, принципом отбора и ротации элит. Возрастает роль спецслужб. Прогрессирует паралич институтов демократии. На политической сцене укореняется популизм. Распространяются практики манипулирования судопроизводством и избирательным процессом, контроля над СМИ и т. п.

Ключевые слова: *посттрансформационное общество, постсоциалистические страны, демократия, институты демократии, Евросоюз, кризис, коррупция, популизм, политический режим, власть.*

С конца 1980-х гг. страны бывшего социалистического содружества осуществляли системный переход от модели государства-партии к модели национального государства на основе имплементации законодательной базы Европейского союза и демократических преобразований государственных структур и институтов. Соответствующим преобразованиям подверглись и структуры общественной организации (подробнее см.: Яжборовская 2008; Глинкина, Куликова 2016). Однако преодолеть устоявшиеся ущербные практики социалистического прошлого оказалось непросто, не только в силу инерционности и компенсаторности этих параллельно разворачивавшихся процессов социально-экономической и политической трансформации, но и в условиях череды глобальных кризисных потрясений первых полутора десятилетий XXI в.

Как справедливо пишет Э. Эпплбаум, для формирования в посткоммунистических странах либерально-демократического общества нужно было нечто большее, чем простое декретирование создания таких институтов демократии, как выборы и многопартийность. Необходимо было воссоздать также независимые средства информации, частное предпринимательство и поддерживающую его правовую систему, свободные от идеологического давления образование и государственную службу и т. д. (Эпплбаум 2015: 22).

Необходимо было не только качественно видоизменить государственные и общественные структуры, но и переформатировать глубоко укоренившиеся – где за четыре, а где и за семь десятилетий – принципы, нормы и методы их функционирования. Только это могло гарантировать действительные, качественные перемены. Успешнее продвигались по этому пути те государства, которым в предшествующий социалистический период удалось сохранить некоторые элементы гражданского общества. После кризиса 2007–2008 гг. динамика развития постсоциалистических стран демонстрировала преимущественный регресс демократизации, что, по данным *Freedom House*, выражалось в следующих количественных показателях (см. табл. 1). При этом дифференциация стран по региональному принципу ясно показывает различия в уровнях демократичности постсоциалистических стран Балтии и Центрально-Восточной Европы, Балкан и Евразии. Еще более глубокий откат демократизации последовал за развернувшимся в государствах Центрально- и Юго-Восточной Европы кризисом 2011 г.

Государства, характеризующиеся устойчивой демократической системой и набравшие по сумме показателей (суммарный индекс демократии, СИД) не более трех баллов, принято относить к консолидированным демократиям. Государства, набравшие от трех до четырех баллов, – к частично консолидированным демократиям. Государства, набравшие от четырех до пяти баллов, – к странам с переходной, или гибридной системой. Государства, набравшие от пяти до шести баллов, – к частично консолидированным авторитарным режимам. Государства, набравшие от шести до семи баллов, по этой классификации относятся к консолидированным авторитарным режимам.

К 2018 г. общая тенденция снижения показателей демократизации сохранялась во всех постсоциалистических странах (см. табл. 1). Достигнутые к 2008 г. индексы демократизации устояли лишь в странах Балтии, а также Словении и Чехии. С определенными оговорками показатели удалось сохранить и некоторым странам частично консолидированной демократии (Румынии, Хорватии, Сербии) и даже группе «гибридных» стран (Грузии и Молдове). Вместе с тем тенденция снижения уровня демократичности режимов ярко проявилась в наиболее благополучном регионе – Центрально- и Юго-Восточной Европе, где уже в течение десятилетия наблюдается негативный тренд утраты демократических завоеваний в Польше, Болгарии и Венгрии (см. табл. 2). Не менее сложным и противоречивым был процесс выхода на путь демократических преобразований постсоциалистических стран региона Балкан.

Таблица 1

**Индексы уровня демократии
в постсоциалистических странах в 2008–2018 гг.**

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Центральная Европа											
Болгария	2.86	3.04	3.04	3.07	3.14	3.18	3.25	3.29	3.25	3.36	3.39
Венгрия	2.14	2.29	2.39	2.61	2.86	2.89	2.96	3.18	3.29	3.54	3.71
Латвия	2.07	2.18	2.18	2.14	2.11	2.07	2.07	2.07	2.07	2.04	2.07
Литва	2.25	2.29	2.25	2.25	2.29	2.32	2.36	2.36	2.32	2.32	2.36
Польша	2.39	2.25	2.32	2.21	2.14	2.18	2.18	2.21	2.32	2.57	2.89
Румыния	3.36	3.36	3.46	3.43	3.43	3.50	3.46	3.46	3.46	3.39	3.46
Словакия	2.29	2.46	2.68	2.54	2.50	2.57	2.61	2.64	2.61	2.61	2.61

Окончание табл. 1

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Словения	1.86	1.93	1.93	1.93	1.89	1.89	1.93	1.93	2.00	2.04	2.07
Чехия	2.14	2.18	2.21	2.18	2.18	2.14	2.25	2.21	2.21	2.25	2.29
Эстония	1.93	1.93	1.96	1.93	1.93	1.96	1.96	1.96	1.93	1.93	1.82
Среднее	2.33	2.39	2.44	2.43	2.45	2.47	2.50	2.53	2.55	2.61	2.67
Медиана	2.20	2.27	2.29	2.23	2.24	2.25	2.31	2.29	2.32	2.45	2.49
Балканы											
Албания	3.82	3.82	3.93	4.04	4.14	4.25	4.18	4.14	4.14	4.14	4.11
Босния и Герцеговина	4.11	4.18	4.25	4.32	4.36	4.39	4.43	4.46	4.5	4.54	4.64
Косово	5.21	5.14	5.07	5.18	5.18	5.25	5.14	5.14	5.07	4.96	4.93
Македония	3.86	3.86	3.79	3.82	3.89	3.93	4.00	4.07	4.29	4.43	4.36
Сербия	3.79	3.79	3.71	3.64	3.64	3.64	3.64	3.68	3.75	3.82	3.96
Хорватия	3.64	3.71	3.71	3.64	3.61	3.61	3.68	3.68	3.68	3.71	3.75
Черногория	3.79	3.79	3.79	3.82	3.82	3.82	3.86	3.89	3.93	3.89	3.93
Среднее	4.03	4.04	4.04	4.07	4.09	4.13	4.13	4.15	4.19	4.21	4.24
Медиана	3.82	3.82	3.79	3.82	3.89	3.93	4.00	4.07	4.14	4.14	4.17
Евразия (без РФ)											
Азербайджан	6.00	6.25	6.39	6.46	6.57	6.64	6.68	6.75	6.86	6.93	6.93
Армения	5.21	5.39	5.39	5.43	5.39	5.36	5.36	5.36	5.36	5.39	5.43
Беларусь	6.71	6.57	6.50	6.57	6.68	6.71	6.71	6.71	6.64	6.61	6.61
Грузия	4.79	4.93	4.93	4.86	4.82	4.75	4.68	4.64	4.61	4.61	4.68
Казахстан	6.39	6.32	6.43	6.43	6.54	6.57	6.61	6.61	6.61	6.64	6.71
Киргизия	5.93	6.04	6.21	6.11	6.00	5.96	5.89	5.93	5.89	6.00	6.07
Молдова	5.00	5.07	5.14	4.96	4.89	4.82	4.86	4.86	4.89	4.93	4.93
Гаджикистан	6.07	6.14	6.14	6.14	6.18	6.25	6.32	6.39	6.54	6.64	6.79
Туркмения	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.96	6.96
Узбекистан	6.86	6.89	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.93	6.96	6.89
Украина	4.25	4.39	4.39	4.61	4.82	4.86	4.93	4.75	4.68	4.61	4.64
Среднее	5.83	5.91	5.95	5.95	5.97	5.98	6.00	6.00	6.01	6.02	6.06
Медиана	5.98	6.13	6.18	6.16	6.18	6.23	6.31	6.43	6.52	6.56	6.59

Источник: Nations... 2017; 2018. Страны оцениваются по шкале от 1 до 7, где 1 представляет самый высокий, а 7 – самый низкий уровень демократического прогресса. Рейтинги на определенный год отражают период с 1 января по 31 декабря предыдущего года. Рейтинги для каждой страны рас-

считываются по семи показателям: избирательный процесс; гражданское общество; независимые СМИ; общенациональное демократическое управление; местное демократическое самоуправление; независимая правовая и судебная система; уровень коррупции.

Таблица 2

Изменение позиций в рейтинге демократизации стран Балтии, Центральной Европы, Балкан и Евразии в 2008–2018 гг.

Страна	2008	2013	2018
Эстония	2-КД	2-КД	1-КД
Латвия	3-КД	3-КД	2-КД
Словения	1-КД	1-КД	3-КД
Чехия	4-КД	4-КД	4-КД
Литва	6-КД	6-КД	5-КД
Словакия	7-КД	7-КД	6-КД
Польша	8-КД	5-КД	7-КД
Болгария	9-КД	1-ЧКД	1-ЧКД
Румыния	1-ЧКД	2-ЧКД	2-ЧКД
Венгрия	5-КД	8-КД	3-ЧКД
Хорватия	2-ЧКД	3-ЧКД	4-ЧКД
Черногория	3-ЧКД	5-ЧКД	5-ЧКД
Сербия	4-ЧКД	4-ЧКД	6-ЧКД
Албания	5-ЧКД	1-ГР	1-ГР
Македония	6-ЧКД	6-ЧКД	2-ГР
Босния и Герцеговина	1-ГР	2-ГР	3-ГР
Украина	2-ГР	5-ГР	4-ГР
Грузия	3-ГР	3-ГР	5-ГР
Косово	2-ЧКАР	1-ЧКАР	6-ГР
Молдова	1-ЧКАР	4-ГР	7-ГР
Армения	3-ЧКАР	2-ЧКАР	1-ЧКАР
Киргизия	4-ЧКАР	3-ЧКАР	1-КАР
Беларусь	4-КАР	5-КАР	2-КАР
Казахстан	3-КАР	3-КАР	4-КАР
Таджикистан	2-КАР	2-КАР	5-КАР
Узбекистан	5-КАР	6-КАР	6-КАР
Азербайджан	1-КАР	4-КАР	7-КАР
Туркмения	6-КАР	7-КАР	8-КАР

Источник: Nations... 2017; 2018. См. также: Развитие... б. г. Обозначения позиции в рейтинге по показателю СИД (от 1 до 2.99 – консолидированные

демократии, КД; от 3 до 3.99 – частично консолидированные демократии, ЧКД; от 4 до 4.99 – гибридные режимы, ГР; от 5 до 5.99 – частично консолидированные авторитарные режимы, ЧКАР; от 6 до 6.99 – консолидированные авторитарные режимы, КАР).

Общими для трех стран (Польши, Болгарии и Венгрии), претерпевших наиболее заметное падение индекса СИД, оказались не только трудности переходного периода, но и негативные последствия осложнивших трансформационные процессы кризисов. Прежде всего становление новых режимов – своего рода самостоятельного подтипа автократии (на венгерском материале это обоснованно раскрыл Б. Мадьяр, его выводы убедительно подтверждаются обильным материалом других стран) (см.: Мадьяр 2016: 84). Сформулируем основные отличительные признаки этого особого подтипа: а) одновременная концентрация политической власти и накопление личного/семейного имущества; б) насильственная и систематическая смена политической и экономической элиты; в) систематическое использование легитимного давления со стороны государственной власти вместо характерного для классической коррупционной системы незаконного насилия. Практики, отраженные в последнем пункте, приводят к снижению числа индивидуальных и случайных вариантов коррупции – их заменяют руководимые сверху централизованные и легализованные формы огосударствления: замаскированное, грабительское, с захватом рынка или компетенций, и т. д.

Естественно, в разных странах существуют разнообразные варианты подобных тенденций развития. Чтобы проиллюстрировать эффект многообразия факторов, влияющих на снижение индексов демократизации постсоциалистических стран Центральной Европы, в начале тысячелетия признанных (за исключением лишь Румынии) консолидированными демократиями, приведем данные всех семи показателей, по которым рассчитываются СИД за 2010 и 2018 гг., что позволяет детализировать рассматриваемый общий тренд (табл. 3).

Таблица 3

**Динамика семи показателей, интегрируемых СИД
для постсоциалистических стран Центральной Европы
за 2010–2018 гг.**

Страна	Год	Показатели, интегрируемые суммарным индексом демократизации						
		избирательный процесс	гражданское общество	независимые СМИ	общенациональное демократическое управление	местное демократическое самоуправление	независимая правовая и судебная система	уровень коррупции
Болгария	2010	1.75	2.50	3.75	3.25	3.00	3.00	4.00
	2018	2.25	2.50	4.25	3.75	3.25	3.50	4.25
Венгрия	2010	1.75	1.75	2.75	2.50	2.50	2.00	3.50
	2018	3.25	3.00	4.50	4.50	3.00	3.00	4.75
Латвия	2010	2.00	1.75	1.75	2.50	2.25	1.75	3.25
	2018	1.75	2.00	2.00	2.00	2.25	1.50	3.00
Литва	2010	1.75	1.75	1.75	2.75	2.50	1.75	3.50
	2018	2.00	2.00	2.25	2.75	2.25	1.75	3.50
Польша	2010	1.75	1.50	2.25	3.25	1.75	2.50	3.25
	2018	1.50	2.00	3.00	4.00	2.00	4.25	3.50
Румыния	2010	2.75	2.50	4.00	4.00	3.00	4.00	4.00
	2018	3.00	2.25	4.25	3.75	3.50	3.75	3.75
Словакия	2010	1.75	1.75	3.00	3.00	2.50	3.00	3.75
	2018	1.50	2.00	2.75	3.00	2.50	2.75	3.75
Словения	2010	1.50	2.00	2.25	2.00	1.50	1.75	2.50
	2018	1.50	2.00	2.50	2.25	1.50	2.00	2.75
Чехия	2010	1.50	1.75	2.50	2.75	1.75	2.00	3.25
	2018	1.25	2.00	2.75	3.00	1.75	1.75	3.50
Эстония	2010	1.75	1.75	1.50	2.25	2.50	1.50	2.50
	2018	1.50	1.75	1.50	2.00	2.25	1.50	2.25

Источник: Nations... 2010; 2018.

Примечание: Существо показателей, используемых для расчета СИД. 1. «Избирательный процесс» – оценивает качество выборов и избирательного процесса в стране, формирование многопартийной системы и участие в политическом процессе. 2. «Гражданское общество» – оценивает рост неправи-

тельствственных организаций (НПО), их организационный потенциал и финансовую устойчивость, правовую и политическую среду их функционирования, участие заинтересованных групп в политическом процессе. 3. «Независимые СМИ» – оценивает состояние свободы прессы, редакционной независимости, финансовой жизнеспособности частной прессы. 4. «Общенациональное демократическое управление» – оценивает демократический характер и стабильность государственной системы, независимость, эффективность и подотчетность законодательной и исполнительной власти, уровень демократического контроля военных и служб безопасности. 5. «Местное демократическое самоуправление» – оценивает уровень децентрализации власти; обязанности, выборы и возможности местного самоуправления, прозрачность и подотчетность деятельности местных властей. 6. «Независимая правовая и судебная система» – оценивает качество конституционной реформы и реформы уголовного законодательства, уровень защиты прав человека, независимость судопроизводства, статус прав этнических меньшинств, гарантии равенства всех граждан перед законом, качество обращения с подозреваемыми и заключенными, соблюдение судебных решений. 7. «Уровень коррупции» – оценивает качество общественного восприятия коррупции, отношения к участию ведущих политиков в бизнесе, законодательства о раскрытии финансовой информации, способы разрешения конфликта интересов, эффективность антикоррупционных механизмов.

В осложнившихся условиях кризиса одновременное изменение и властных структур, и сегментов экономики стимулировало слияние и создание преимущественно вертикальных, а не веками отработанных и проверенных практикой на эффективность горизонтальных связей, что было присуще раннекапиталистическому Западу. В тот период формирование и оптимизация принципов политических и экономических отношений были разведены во времени. Напротив, на рубеже XX и XXI вв., в период новой системной трансформации концентрация власти и накопление богатства осуществлялись одновременно и, будучи обусловлены друг другом, являлись друг для друга и целью, и средством. В результате общественные интересы были подчинены частным, причем не эпизодически, а системно и на постоянной основе. Это обстоятельство оказывало и продолжает оказывать определяющее влияние на характер и качество принимаемых кардинальных политических решений, которые преобразуют ситуацию одновременно и во властной, и в имущественной сфере. Накопление частного имущества на основе обладания политической властью сделало нормой для верхних

этажей «политической пирамиды» смешение частного с государственным и общественным. В свою очередь, цели государственной политики как мотив принятия политических решений стали отодвигаться на задний план.

И если вначале и в экономической, и в политической сфере внутреннее сетевое взаимодействие в процессе оптимизации отстраивалось по горизонтальному принципу, то сращивание этих сфер все более сопровождалось замещением горизонтальных связей вертикальными. Если вначале наделенные собственностью олигархи вели легальную деятельность и получали заказы на основании конкурентной борьбы, то постепенно все чаще источники их политической власти и влияния оказывались скрытыми от общества, а каналы поддержки их бизнеса – незаконными, с весомой долей коррупционной составляющей. В рамках олигархической системы отношения выстраивались по вертикальной схеме «патрон – клиент», исключавшей свободную конкуренцию и продвигающей коррупцию в качестве системной основы функционирования общества.

Одновременная перестройка властных и экономических отношений, создававшая автократическую пирамиду, обернулась на уровне элит возникновением нового, гибридного правящего слоя, господствующего по принципу: если есть власть – есть (или будет) и собственность, и наоборот, если есть собственность – будет и власть.

В такой системе нелегальное состояние добывается благодаря легальной позиции во власти, в рамках политического бизнеса, лоббирования различных проектов и т. п. При этом публичная власть сопрягается со скрытыми от общества состоянием и экономической властью, возникающими в результате принимаемых при его участии политических решений.

На смену ликвидируемым в экономике сетевым, горизонтальным конкурентным и партнерским отношениям в практику руководства всех уровней внедряются патронажно-клиентские отношения с элементами специфических личных связей, способствующие проведению в жизнь любых волюнтаристских решений. Нормативно-правовое регулирование уступает место произволу и принуждению к вступлению в отношения персонифицированной зависимо-

сти, институциональные гарантии демократического общества сходят на нет. А парламентская деятельность служит орудием законодательного устранения тех или иных препятствующих функционированию этой модели нормативных отношений.

Принципы формирования органов верховной власти в большинстве постсоциалистических стран резко меняются. Выстраивается, а в ряде стран уже выстроена автократическая пирамида исполнительной власти. Президентский совет и правительство рекрутируются в основном из числа членов правящей партии, из лиц, связанных со спецслужбами, из друзей и деловых партнеров. В этот круг также вовлекаются не имеющие устойчивой поддержки политики, которые могут быть заменены в любой момент более полезными и сговорчивыми.

Внутренний круг олигархов, связанных с политическим бизнесом, принадлежит к числу активно влияющих на политику акторов «большой правящей политической семьи», не занимая при этом подчас никакой легитимной позиции на публичном поле. Вступающие в эту «семью» олигархи включаются в ее субординационную иерархию, уплачивая «дань» в соответствии с ее запросами. Автономные олигархи также стремятся в интересах сохранения бизнеса установить коррупционные связи с акторами политической сферы.

Формирующееся в таких условиях и таким способом государство ставит под свой контроль сферы идеологии, власти и материального накопления, а также всю сферу СМИ. Автономное пространство интеллектуальной деятельности, культуры, образования и науки резко сужается, а сами они как базовые социальные институты ставятся на службу интересам режима.

Парламенты, превращенные при помощи тщательно отработанных механизмов манипулирования в своего рода «машины для голосования», легитимизируют решения, спускаемые с вершин пирамиды власти. Автономия местных органов сокращается.

Происходит последовательное разрушение пространства рационального общественного дискурса. Вместе с тем активно развиваются механизмы контроля всех сфер жизни общества. Возрастает роль спецслужб, совершенствуются методы подавления оппозиции и массовых движений, а также кадровой чистки государственных

органов вплоть до низших уровней: несогласные увольняются под предлогом реорганизации, а зачастую и без объяснения причин.

Коррупция из сопутствующего явления периода «реального социализма» превращается в системообразующий элемент режима, утверждающийся на всех его уровнях системно и прочно. На низшем уровне в условиях потребительского общества она еще имеет характер добровольных подношений. Но на среднем и высшем уровне она принимает форму стабильных связей и коррупционных сделок, формируя систему отношений между государственно-муниципальным и частным секторами, более того, формируя соответствующий заказ на нужное правовое регулирование. Она охватывает государственную администрацию и политический класс в широком смысле, выводит на первый план государственную поддержку магнатов капитала в конкурентной борьбе за обогащение, получение государственных и муниципальных заказов, успешное участие в тендерах, изменение статуса недвижимости, оформление различных официальных разрешений. Прибыль от коррупционных решений значительно возрастает, а инициаторы крупных сделок теперь сами обращаются к государственным чиновникам за поддержкой.

Коррупционной системе подчиняется и исполнительский механизм власти: представители силовых структур, порой на системной основе, обеспечивают, в частности, передел собственности и пополнение круга приближенных лиц из числа предпринимателей и политиков. На высших этажах иерархии речь идет уже о «приватизации государства» на сетевой основе личных связей и неформальных контактов высших политических сил и узкого круга других представителей властвующего клана.

В рамках складывающейся системы экономические и политические игроки уже привычно взаимодействуют друг с другом. Постепенно укрепляющийся коррупционный режим уничтожает анархически действующее криминальное подполье и оттесняет «на периферию» автономно действующих олигархов. Создается единый субординированный порядок, коррупция «централизуется» в масштабах страны, устанавливается своего рода *государственная монополия* на коррупционную деятельность. Таким образом, борьба с коррупцией превращается в борьбу с «нелегальной», не координируемой государством коррупционной деятельностью.

В партийно-политической сфере коррупцию стимулируют нужды избирательных кампаний, которые не покрываются членскими взносами и государственным финансированием. Бескорыстная, идейно мотивированная поддержка постепенно исчезает. Растет запрос на «взаимность», на получение ответных услуг за предоставленную поддержку, на получение «ренды» с коррумпированных членов политического класса в форме преференций вхождения в обещающие крупные прибыли бизнес-проекты, влияния на механизмы принятия государственных решений и продвижение законодательных инициатив.

Активное развитие получают популистские практики принятия решений неформальным путем, игнорируя процедурные нормы и политические институты. Эти практики поощряют развитие отнюдь не сетевых, а скорее автократических форм управления.

В Венгрии, например, на вершине властной пирамиды оказался премьер и лидер правой партии «Фидес» Виктор Орбан. Ему уже вполне удалось поставить под контроль политическую, экономическую и судебную системы страны, а также средства массовой информации.

В Польше и президент Анджей Дуда, и бывшая премьер-министр Беата Шидло, и нынешний премьер Матеуш Моравецкий, и спикеры обеих палат парламента, Сейма и Сената, – все являются ставленниками главы правоконсервативной партии «Право и справедливость» Ярослава Качиньского, который постепенно продвигается по тому же пути, что и В. Орбан. Формально будучи лишь рядовым депутатом Сейма, Я. Качиньский реально руководит всей жизнью страны из своих личных апартаментов и как национальный вождь-автократ системно и последовательно обновляет управляющие кадры и подрывает основы правового государства.

В Румынии, где у власти закрепился находящийся под контролем группы сотрудников госбезопасности и бывших партийных чиновников Фронт национального спасения, процессы становления режима коррупционной автократии еще до конца не завершились. Но характерно, что лидер победившей на выборах ныне правящей Социал-демократической партии Ливиу Драгня добился изменения Уголовного кодекса и, получив по приговору Высшего кассационного суда два года тюремного заключения за избирательные махинации, превышение власти и «распил» средств Евросоюза, сумел

уклониться от наказания. В итоге он одерживает победу в противостоянии с Национальным комитетом по борьбе с коррупцией, угрожая президенту страны импичментом и устраивая показательные массовые митинги своих сторонников (Голубицкий 2018).

В целом такого рода процессы в той или иной мере характеризуют после 2007 г. развитие не только авторитарных и гибридных, но и консолидированных и частично консолидированных режимов (см.: Vetz 2007: 449). Ситуация кризиса и спада электоральной активности второй декады XXI в. сформировала своего рода универсальный механизм, позволяющий получившей большинство партии решающим образом увеличить свое представительство во всех институтах политической системы и тем самым существенно изменить расстановку сил в пользу, как правило, правоконсервативного большинства. В мае 2014 г. во время выборов в Европарламент в Словакии проигнорировали выборы 87 % избирателей, в Чехии – 80,5 %, в Польше – 77,3 %, в Венгрии – 70 %. При такой пассивности населения на последовавших парламентских выборах в Венгрии партия «Фидес» сумела получить 67 % мест в национальном парламенте и установила свой контроль над всеми политическими институтами. В Польше партия «Право и справедливость» также в условиях низкой явки избирателей одержала победу, набрав всего 18 % (см.: Шишелина 2017: 34).

После долгих лет достаточно успешных поисков консенсуса в ситуации затяжной череды кризисов доминирующим политическим трендом стало обострение антагонизмов и повышение градуса конфронтации, вплоть до открытых проявлений ненависти к политическим противникам и поддерживающим их социальным группам. Враждебность, родившаяся в ходе проведения реформ и обострения социальных противоречий, заставила отойти от либеральной политики консенсуса и стимулировала проявления агрессивного популизма, в том числе популистского национализма. Эксцессы такого типа стали повседневными, а процессы формирования гражданского общества явно затормозились. В Болгарии, например, оказалось легче сменить правительство, чем пресечь эту тенденцию в развитии общественных отношений (см.: Krystew 2007: 23).

Считается, что популизм сыграл в регионе Центрально- и Юго-Восточной Европы позитивную роль в начальный период системных трансформаций, когда в первые годы существования «Соли-

дарности» популистская политика объединила нацию надеждой на повышение уровня жизни, а продвигаемые тогда политиками-популистами либеральные ценности воспринимались как общенациональное достояние. Однако в начале XXI в. возобладало популистское отторжение социально-политического начала. Победили антилиберальные и антидемократические настроения, отвергающие любую организацию как коррумпированную по умолчанию и любую реформу как враждебную интересам народа, крадущую у него плоды революции и продающую национальное имущество иностранному капиталу. В процессе утверждения популистской парадигмы при помощи СМИ были задействованы механизмы и процедуры соответствующей идеологической переориентации в сферах политики и экономики, правопорядка, образования, культуры, искусства и науки, политики памяти, бизнеса, самоуправления, работы неправительственных организаций. Таким образом, популизм оформился в полноценную политико-идеологическую систему, претендующую на руководство общественным развитием путем апелляции к широким массам и обещаний им скорого и легкого разрешения острых проблем.

Стратегически важной технологией продвижения политического популизма стала особая кадровая политика (знакомое всем еще с коммунистических времен «кадры решают все»), а также повальное «перетряхивание» кадрового состава политической и всех других управленческих систем. Ставленники прежних либеральных режимов устранились, на смену им, как это наиболее ярко проявилось в Польше и Венгрии, приходили выходцы из «гнезда Качиньских» и команды «Фидес» соответственно. Принцип компетентности при кооптации в элиту сменялся принципом личной преданности, лояльности. Ключевой опорой популистской власти оказывалась харизма лидеров вождистских популистских партий. Такие «вожди», как Я. Качиньский, В. Орбан, Б. Борисов и другие право-консервативные лидеры, включая даже левых популистов типа Л. Драгни, интенсивно использовали манипулятивные техники, возможности современной информатизации и широкого медиавоздействия на массовое сознание, в том числе и с опорой на мифологию «осажденной крепости» и тактики эффективного конфликта.

Казалось, что именно современные высокотехнологичные и интерактивные коммуникации являются главным каналом осмысле-

ния человеком социальной реальности, основным каналом ретрансляции принципов государственной политики, важнейшим инструментом легитимации современных политических институтов. Вместе с тем оказалось, что преобладающая в регионе постсоциалистических стран пассивная аудитория более всего воспринимает информацию, транслируемую официальными каналами телевидения и радио. СМИ этого профиля, как выяснилось, остаются основным инструментом политического контроля, препятствующим становлению политического самосознания в условиях нового глобализованного мира, важным фактором противодействия его радикальным изменениям и сохранения статус-кво. Стандартизация повестки дня этих СМИ лишает население возможности получения развернутой информации, анализа оценок на базе более высокого уровня информированности. Упрощение и выхолащивание содержания сложного и многогранного процесса политической социализации препятствует формированию политического самосознания индивида, в том числе снижает уровень политической активности молодежи, порождает ее недоверие к основным политическим институтам. Вместе с тем такие стандартизация и упрощение влияют на формирование поведенческих установок молодежи, в частности, на баланс предпочтений массового и межличностного формата коммуникации, баланс когнитивной и поведенческой сфер сознания. Горизонты демократического развития резко сужаются.

Сравнение динамик и структуры мирового политического поля за последнюю четверть века подводит к выводу о завершении четвертой волны всемирной демократизации (см. табл. 4, построенную на основе обобщения данных, приведенных в табл. 2).

Таблица 4

**Общие тенденции и итоги режимной трансформации
постсоциалистических стран с 2008 по 2018 г.**

Количество режимов определенного типа	2008 г.	2018 г.
Консолидированные демократии	9	7
Частично консолидированные демократии	6	6
Режимы переходного, или гибридного, типа	3	7
Частично консолидированные авторитарные режимы	4	1
Консолидированные авторитарные режимы	6	8

Как можно видеть, число стран консолидированной демократии немного сократилось. Но наиболее серьезные изменения произошли в рядах гибридных и авторитарных режимов. Среди последних возросло число окончательно консолидированных (за счет прежде лишь частично консолидированных). Но также почти вдвое увеличилось число гибридных (переходных) режимов. Иными словами, наблюдается сосуществование противоречивых тенденций как к авторитарному откату, так и к гибридизации авторитарных и формально демократических практик. Привлекательность стратегии транзита в постсоциалистическом сегменте сохраняется. И именно там, где удастся сохранить работоспособность формально демократических процедур и институтов, сохранить *de facto* принцип разделения властей и основы гражданского общества (например, в Чехии, Словении, Словакии), можно говорить о более или менее полноценном сохранении и даже совершенствовании демократической модели современного государства и сетевого общества.

Литература

Глинкина, С. П., Куликова, Н. В. (отв. ред.) 2016. *Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты*: сб. ст. М.: Ин-т экономики РАН. 332 с.

Голубицкий, С. 2018. Когда народ за коррупцию. Уроки румынского: чтобы оборонять власть от независимого прокурора, пришлось собирать ручной майдан. *Новая газета* 78. 23 июля. URL: <https://www.novaya-gazeta.ru/articles/2018/07/22/77253-kogda-narod-za-korruptsiyu> (дата обращения: 05.05.2019).

Мадьяр, Б. 2016. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*. М.: НЛЮ. 480 с.

Развитие демократии в странах переходного периода. Информация об исследовании. *Гуманитарные технологии. Аналитический портал*. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/nations-in-transit/info> (дата обращения: 05.05.2019).

Шишелина, Л. Н. (отв. ред.) 2017. *Вишеградская четверка в Европейском союзе: дилеммы конвергенции*. М.: Ин-т Европы РАН. 138 с.

Эпплбаум, Э. 2015. *Железный занавес. Подавление Восточной Европы (1944–1956)*. М.: Московская школа гражданского просвещения. 704 с.

Яжборовская, И. С. 2008. *Глобализация и опыт трансформации в странах Центрально- и Юго-Восточной Европы*. М.: Academia. 378 с.

Betz, H.-G. 2007. Warunki sukcesu (klęski) – populistycznych partii radykalnej prawicy we współczesnych systemach demokratycznych. In Meny, Y., Surel, Y. (red.), *Демокрасјав облицу попализму*. Warszawa: Oficyna Naukowa. S. 272–287.

Krystew I. 2007. Маму право глосу, wyboru nie mamy. *Gazeta Wyborcza* 252: 22. Październik 27. URL: http://wyborcza.pl/magazyn/1,124059,15408538,MAMY_PRAWO_GLOSU_WYBORU_NIE_MAMY.html?disableRedirects=true (дата обращения: 05.05.2019).

Nations in Transit. 2010. URL: <https://freedomhouse.org/report/nations-transit-2010/ratings-tables> (дата обращения: 05.05.2019).

Nations in Transit. 2017. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/NIT2017_booklet_FINAL_0.pdf (дата обращения: 05.05.2019).

Nations in Transit. 2018. URL: <https://freedomhouse.org/report/nit-2018-table-country-scores> (дата обращения: 05.05.2019).